

Менищине XX века посвящается

.....

Флия ФЛЕМИНГ

СПАСЕННАЯ
С «ТИТАНИКА»

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Ф 71

Leah Fleming
THE CAPTAIN'S DAUGHTER

Copyright © Leah Fleming 2012
All rights are reserved to the Author throughout the world.
Simon & Schuster UK Ltd, England, was the first publisher
of the Work in the English language.

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Н. Сечкиной*

Художественное оформление *С. Прохоровой*

Флеминг, Лия.

Ф 71 Спасенная с «Титаника» / Лия Флеминг ; [пер.
с англ. Н. Сечкиной]. — Москва : Эксмо, 2014. —
704 с. — (Женщине XX века посвящается).

ISBN 978-5-699-72483-3

Что может быть общего между ткачихой Мэй Смит и женой богатого американского промышленника Селестой Паркс? Первая держит за ручку маленькую дочку, полна надежд на лучшее будущее, вторая – возвращается к семье в Америку и страшится того, что ждет впереди. Но обе они стоят на палубах легендарного «Титаника» и не знают, что следующая ночь изменит их жизни навсегда. К шлюпке, в которой чудом спасутся женщины, подплывет капитан тонущего корабля и передаст им младенца. Мэй примет его как своего, но на рассвете, когда страх смерти сменит надежда, бедная мать сделает шокирующее открытие...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Сечкина Н., перевод на русский
язык, 2014

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-72483-3

*Памяти
всех погибших
15 апреля 1912 года*

Часть 1
1912-1914

Глава 1

Англия, апрель 1912 г.

.....●.....

Н а вокзал они приехали рано. Стоя посреди груды чемоданов, кофров и саквояжей, Мэй Смит поглядывала на рыжевато-коричневую башню с часами, напряженно ловя признаки, возвещающие о прибытии на Тринити-стрит лондонского поезда — отдаленный гул локомотива, запах угля, жар и копоть, — и наблюдала, как платформа постепенно заполняется людьми. С портфелями или свертками под мышкой, все они были поглощены собой и не обращали внимания на окружающих.

Мэй посмотрела на мужа. Джо в своем лучшем, хоть и слегка поношенном пальто из твида и мягкой фетровой шляпе, держал на руках Элен. Поверх пальтишка и новой шапочки девочка была закутана в платок, защищавший ее от холодного ветра с болот, что продувал платформу насквозь.

Элен взирала на вокзальную суету, детские глазенки тревожно поблескивали. Так много новых звуков обрушилось на нее, да и на всех них: гомон носильщиков и грохот их нагруженных тележек, лязг вагонных дверей, гудки паровоза с соседней платформы.

Их поезд скоро прибудет — утренний поезд, на котором ездят деловые люди в костюмах и котелках и который доставляет в город ланкаширский хлопок. Мэй, словно девчонке, хотелось крикнуть: «Знаете, куда мы едем? Ни за что не поверите!» Но, разумеет-

ся, она молчала, смущенная собственным радостным возбуждением.

Может, для остальных путешествие — дело привычное, но только не для нее, Мэй Смит. Сегодня она одета в темно-синий приталенный жакет с пышной баской до середины бедра и длинную юбку из саржи; боты начищены до невероятного блеска, а светлые волосы аккуратно убраны под широкополую соломенную шляпку черного цвета. Весь этот практичный, немаркий наряд подобран специально, чтобы выдержать долгую дорогу — по крайней мере, так она надеется.

Мэй мысленно пробежалась по списку вещей в нессессере: жестяная коробка с сэндвичами и яблоками, бутылка молока для Элен, галеты и леденцы на случай морской болезни, книжка с картинками, чистые салфетки и влажное полотенце.

Документы и билеты надежно хранятся у Джо в кожаном «дипломате» — прощальном подарке с фабрики, а в одном из чемоданов лежит пара отличных простыней, сотканых на механическом станке, с вышитыми инициалами супругов Смит. Эти простыни подарили Мэй девушки из цеха в последний день ее работы. Между слоями материи аккуратно уложены подарки для дядюшки Джорджа, который живет в Айдахо: газета из его родного городка, карточки, сделанные в фотографическом салоне, чудесная коробочка для чая и Библия с дарственной надписью от учеников местной воскресной школы.

— Опаздывает, — шепнула Мэй, однако Джо лишь рассмеялся.

— Просто ты притащила нас сюда слишком рано. Погляди, сигнал семафора изменился! Поезд придет с минуты на минуту.

Джо вытянул голову за край платформы, отчего Мэй занервничала.

— Отойди, — настойчиво попросила она, — а то напугаешь Элен, не говоря уже обо мне.

Паровозы приводили Мэй в ужас: они казались ей огромными черными драконами, изрыгающими пламя. Дохнуло горячим ветром; гигантское чудовище с оглушительным ревом ворвалось на станцию. Последовал жуткий скрежет, и поезд встал, выпуская клубы пара.

От громкого шума Элен расплакалась.

— Дай ее мне, — потребовала Мэй, заключая рыдающую малышку в объятия. — Ну-ну, тише, детка. Пришел наш паровозик, он отвезет нас в новую жизнь — чух-чух, чух-чух. Попрощайся с Болтоном, скажи ему «до свидания». Мы отправляемся навстречу приключениям!

Джо удостоверился, что их дорожный сундук погрузили, и семейство заняло свои места во втором классе. Элен никак не унималась.

— Скоро утихнет, — с улыбкой сказала Мэй соседям, которые поглядывали на мать и ребенка с явным беспокойством. Мэй не оставалось ничего другого, кроме как сунуть в ладошку Элен галету и уповать на лучшее. Уловка сработала, и через несколько секунд девочка, позабыв обо всем, увлеченно грызла сухое печенье.

Мэй вновь окинула взглядом попутчиков. В душе всколыхнулась обида: у нее такое же право сидеть

здесь, как и у остальных. Может, они с Джо и сироты, зато в Америке у них есть покровитель, который готов дать им будущее. И хотя добра они нажили немного, у Мэй есть Джо, у Джо — Мэй, а их главное сокровище — прелестная маленькая дочурка, славная, точно новенькая монетка. Оба они молоды, впереди — вся жизнь. Мэй захотелось ущипнуть себя, дабы убедиться, что неожиданные перемены и шанс начать все с чистого листа не сон, а явь.

Поймав свое отражение в окне вагона, Мэй улыбнулась. Красавицей ее не назовешь, однако щеки горят румянцем, тело крепкое, и тяжелой работы она не боится. По рассказам, именно такие женщины и способны чего-то добиться в Новом Свете. Счастье, что малютка Элен унаследовала от отца светлые волосы и глаза цвета морской синевы. Правда, моря они пока не видели, но совсем скоро увидят.

И вот уже двери вагона захлопнулись, а свисток послужил сигналом к отходу поезда. Вагон дернулся, отчего Мэй бросило вперед. На мгновение оптимизм покинул ее, и она почувствовала приступ страха. *Что мы делаем? Зачем покидаем родные места?* Мэй ощутила острое желание остановить поезд, спрыгнуть с подножки и вернуться домой, где все так мило и привычно. Она уже почти вскочила с места, но обмякла, увидев, с какой решимостью смотрит в окно ее муж Джо. Он так гордился, когда американские родственники предложили ему вступить в семейный бизнес и заняться плотницким делом! Разве может Мэй предать его? Она готова идти за мужем хоть на край света.

Не то чтобы их не устраивал Болтон — небольшой город ткачей на севере Англии. Болтон дал им

Спасенная с «Титаника»

крышу над головой — крохотный домик у болот, позволил обрести необходимые навыки, предоставил работу — сперва в услужении, а затем на фабрике, где они и познакомились. Джо и Мэй любили друг друга еще с отрочества и поженились после того, как подошел к концу срок обучения Джо. Однако в глубине души Мэй всегда знала, что муж мечтает об ином будущем, ищет любую возможность проявить себя, добиться успеха. Что ж, она только рада поддержать его честолюбивые замыслы. Кто бы ни захотел для своего ребенка жизни вдали от дымящих труб, шанса повидать людей с разных концов света, которые, подобно им, рискнули всем, чтобы начать с нуля? Чтобы решиться на такое, нужна храбрость, и Мэй не трусиха. И все же страх, всколыхнувший ее душу, не отступал. Вдруг все пойдет наперекосяк? Вдруг дядя Джордж окажется жестоким тираном? Вдруг... Хватит, одернула себя Мэй и устремила взгляд на чемоданные ярлыки, которые напечатала и аккуратно наклеила собственными руками: «Мистер и миссис Джозеф Смит, пароход «Титаник», Саутгемптон». Туда, туда! Уже совсем скоро они поднимутся на борт.

Глава 2

Над городом плыл похоронный звон соборных колоколов. Члены семьи, собравшиеся у западного портала, выстроились позади кортежа. Хорошо, что черная кружевная вуаль позволяет скрыть горе от

чужих взглядов, думала Селестина Паркс, прильнув к отцу и наблюдая, как ее братья подняли гроб на плечи. Ноша не будет тяжелой — перед смертью их мать, Луиза, страшно исхудала.

Селеста корила себя за опоздание; она даже не успела проститься с матерью. Непогода задержала пароход, шедший из Нью-Йорка, однако похороны откладывали до тех пор, пока Селеста наконец не прибыла в Личфилд, в родительский дом. Увидев, что мать, некогда красавица, превратилась в почти незнакомый иссохший скелет, она испытала потрясение.

Резкий ветер гонял по церковному двору, мощенному булыжником, сухие листья. Вышел настоятель, чтобы сопроводить скорбящих в гулкий неф. Селеста подняла глаза на три внушительные соборные башни и их острые шпили, пронзающие ясное мартовское небо, затем перевела взгляд на аккуратные дома из розового песчаника, что окружали собор. Как хорошо знаком ей этот вид — ранняя весна, проклюнувшиеся нарциссы, свежий ветер с болот, от которого перехватывает дух... Весенние поездки домой всегда вызывали у Селесты душевный подъем; особенно радовали ее нежные цветочные бутоны и ярко-зеленая молодая травка в полях и парках. Пасхальная служба в соборе — это всегда нечто торжественное, однако в этом году к ней примешается горечь семейной утраты...

На миг Селеста вспомнила собственный дом и любимого сына, оставленного далеко за океаном. Невольно промелькнула мысль о предстоящем уто-

мительном путешествии обратно, но Селеста быстро отогнала ее: сейчас не время.

Она дотронулась до своего длинного шерстяного пальто с воротником из лисы. Под пальто на ней было надето траурное платье, отделанное бисером, и черные перчатки — и то и другое принадлежало маме. В этих рукавах, хранивших очертания материнской фигуры, в знакомом запахе лавандовой воды, что исходил от ткани, Селеста находила успокоение. Шляпка из фетра, под которую она спрятала пышный каскад золотисто-каштановых кудрей, держалась на голове при помощи бабушкиных шляпных булавок. Времени на приобретение подходящего траурного наряда у Селесты не было, оставалось только надеяться, что, выбрав этот, она не ошиблась. Луиза Форестер всегда выглядела очень элегантно, и после ее смерти дочь хотела выказать ей уважение, столь же глубокое, как и любовь при жизни.

Селеста берегла яркие, интересные письма матери, в которых та сообщала новости о соборе, духовенстве и проделках студентов Богословского колледжа. Эти письма, словно драгоценная ниточка, связывали ее с родиной. А потом вдруг строчки начали ползти в разные стороны, почерк сделался неразборчивым, и материнскую руку сменила отцовская. Сообщая, что мать нехорошо себя чувствует и не в состоянии держать перо, отец недвусмысленно намекал, что дочери пора приехать, пока болезнь не взяла свое.

Я не успела с тобой попрощаться, мамочка, — каждую ночь после возвращения рыдала Селеста. Утешает лишь, что погребение будет достойным: Луизу